

ДМИТРИЙ

ВОДЕННИКОВ

ДМИТРИЙ

ВОДЕННИКОВ

СТИХИ
ОБО
ВСЕМ

Москва
2020

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
В62

Фотография на обложке — *Ольга Паволга*

Воденников, Дмитрий Борисович.
В62 Стихи обо всем / Дмитрий Воденников. —
Москва : Эксмо, 2020. — 224 с. — (Поэзия пода-
рочная).

ISBN 978-5-04-107728-0

«Поэт — человек, который слышит слово. Слово — это то, что отличает нас от животных. А с другой стороны, поэт — одно из самых древних животных со времен гибели динозавров. Поэт — маленький зверек. В сущности — крыса. Поэт — мелкий хвостатый зверек, который первым чувствует приближение катастрофы. Только бежать с корабля ему некуда. Пусть не будет катастроф. С остальным мы справимся».

Дмитрий Воденников

В книгу включены объективно лучшие стихотворения, ставшие неотъемлемой частью поэтического облика нового тысячелетия.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-107728-0

© Воденников Д., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Так дымно здесь
и свет невыносимый,
что даже рук своих не различить —
кто хочет жить так, чтобы быть любимым?
Я — жить хочу, так чтобы быть любимым!
Ну так как ты — вообще не стоит — жить.

А я вот все живу — как будто там внутри
не этот — как его — не будущий Альцгеймер,
не этой смерти пухнувший комочек,
не костный мозг
и не подкожный жир,
а так как будто там какой-то жар цветочный,
цветочный жар, подтаявший пломбир,

а так, как будто там какой-то ад пчелиный,
который не залить, не зализать...
Алё, кто хочет знать, как жить,
чтоб быть любимым?
Ну чё молчим? Никто не хочет знать?

Вот так и мне не то чтоб неприятно,
что лично я так долго шёл на свет,
на этот свет и звук невероятный,
к чему-то там, чего на свете нет,

вот так и мне не то чтобы противно,
что тот, любой другой, кто вслед за мною шёл,
на этот звук, на этот блеск пчелиный,
на этот отсвет — все ж таки дошёл,

а то, что мне — и по какому праву —
так по-хозяйски здесь привыкшему стоять,
впервые кажется, что так стоять не надо.
Вы понимаете, что я хочу сказать?

Огромный куст, сверкающий репейник,
который даже в джинсы не зашить —
последний хруст, спадающий ошейник —
что там еще, с чем это все сравнить?

Так пусть — гудящий шар до полного распада,
в который раз качнется на краю...

Кто здесь сказал, что здесь стоять не надо?
я — здесь сказал, что здесь стоять не надо?
ну да сказал — а все еще стою.

Так жить, чтоб быть
ненужным и свободным,
ничейным, лишним, рыхлым, как земля —
а кто так сможет жить?

Да кто угодно,
и как угодно — но не я, не я.

* * *

Любая женщина — как свежая могила:
из снов, из родственников,
сладкого, детей...

Прости её. Она тебя любила.
А ты кормил — здоровых лебедей.

Но *детским призракам* (я это точно знаю) —
не достучаться им —
до умного — меня...

А ты — их *слышишь* — тёплая, тупая,
непоправимая — как клумба, полынья.

Стихотворение — простое, как объятье —
гогочет, но не может говорить.

Но у мужчин — *зато* —
есть вечное занятие:
жён, как детей, — из мрака — выводить.

И каждый год — *крикливым, птичьим* торгом
я занимаюсь в их — живой — груди:

ту женщину,
наевшуюся торгом,
от мук, пожалуйста, — *избавь и огради!*

Все стихотворения —
как руки, как объятья.

(...от пуха, перьев их — прикрой меня —
двумя!)

Да, у мужчин — *другие* есть занятия,
но нет других — *стихотворений* — у меня.

...Ты мне протягиваешь — руку наудачу,
а я тебе — дырявых лебедей.

Прости меня.

Я *не тишу*, я плачу —
над бедной — бедной — *девочкой* — моей...

* * *

Я не кормил — с руки — литературу,
её бесстыжих и стыдливых птиц.
Я расписал себя — как партитуру
желёз, ушибов, запахов, ресниц.

Как куст — в луче прожектора кромешном —
осенний, — я изрядно видел тут,
откуда — шапками — растут стихотворенья,
(а многие — вглубь шапками растут).

Я разыграл себя — как карту, как спектакль
зерна в кармане, — и — что выше сил! —
(*нет, не моих!* — моих на много хватит) —
я раскрыл себя — как ткань, как шёлк, как
штапель
(однажды даже череп раскрыл).

Я раскрыл, а ты меня заштопал,
так просто — наизнанку, напоказ, —
чтоб легче — было — жить,
чтоб жизнь была — по росту,
на вырост — значит, вровень, в самый раз!

Я превратил себя —
в паршивую канистру,
в бикфордов шнур, в бандитский Петербург.

Я заказал себя — как столик, как убийство, —
но как-то — слишком громко, чересчур.

Я — чересчур, а ты меня — поправишь:
как позвонок жемчужный — обновить,
где было слишком много — там убавишь,
где было слишком мало — там прибавишь.
Но главное — *отпустишь* и *оставишь*
(меня, меня! — отпустишь и оставишь),

не выхватишь, —
не станешь! — *не простишь...*

* * *

Ах, жадный, жаркий грех, как лев меня терзает.
О! матушка! как моль, мою он скушал шубку,
а нынче вот что, кулинар, удумал:
он мой живот лепной, как пирожок изюмом,
безумьем медленным и сладким набивает
и утрамбовывает пальцем не на шутку.

О матушка! где матушка моя?

Отец мне говорит: Данила, собирайся,
поедем на базар, там льва степного возят,
он жаркий, жадный лев, его глаза сверкают, —
я знаю, папа, как они сверкают, —
я вытрясаю кофту в огороде:
вся кофта съедена, как мех весной у зайца,
я сам как заяц в сладком половодье.

О матушка! где матушка моя?

А ночью слышу я, зовут меня: Данила,
ни меда, ни изюма мне не жалко,
зачем ты льва прогнал и моль убил, Данила? —
так источается густой, горячий голос.
Я отвечаю: мне совсем не жарко,
я пирожок твой с яблочным повидлом.
А утром говорит отец: Пойдем в «Макдоналдс».

О матушка! где матушка моя?

Намедни сон сошел: солдат рогатых рота,
и льва свирепого из клетки выпускают,
он приближается рычащими прыжками,
он будто в классики зловещие играет,
но чудеса! — он, как теленок, кроток:
он тычется в меня, я пасть его толкаю
смешными, беззащитными руками,
глаза его как желтые цветочки,
и ослепляет огненная грива.

Но глухо матушка кричит из мягкой бочки:
Скорей проснись, очнись скорей, Данила.
И я с откусанным мизинцем просыпаюсь.

* * *

Но я ещё прижмусь к тебе — спиной,
и в этой — белой, смуглой — колыбели —
я, тот, который — *всех сильнее* — с тобой,
я — стану — *всех печальней* и слабее...

А ты гордись, что в наши времена —
горчайших яблок, поздних подозрений —
тебе достался целый мир, и я,
и густо — розовый
безвременник осенний.

Я развернусь лицом к тебе — опять,
и — *полный нежности, тревоги и печали* —
скажу: «Не знали мы,
что значит — погибать,
не знали мы, а вот теперь — *узнали*».

И я скажу: «За эти времена,
за гулкость яблок и за вкус утраты —
не как любовника —
(как мать, как дочь, сестра!) —
как *современника* — утешь меня, *как брата*».

И я скажу тебе,
что я тебя — люблю,
и я скажу тебе, что ты — моё спасенье,
что мы погибли (*я понятно — говорю?*),
но — сдерживали — гибель — как умели.

ТАК ВОТ ВО ЧТО СТВОРОЖИЛАСЬ ЛЮБОВЬ

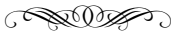
*Так вот во что — створожилась любовь:
сначала ела, пела, говорила,
потом, как рыба снулая, застыла,
а раньше — как животное рвалось.*

А кто-нибудь — проснется поутру,
как яблоня — в неистовом цветенье,
с одним сплошным, цветным стихотвореньем,
с огромным стихтворением — во рту.

И мы — проснемся, на чужих руках,
и быть желанными друг другу поклянемся,
и — как влюбленные — в последний раз
упремся —
цветочным ржаньем — в собственных гробах.

И я — проснусь, я все ж таки проснусь,
цветным чудовищем, конем твоим железным,
и даже там, где рваться бесполезно,
я все равно в который раз — рванусь.

Как все, как все — неоспоримой кровью,
как все — своих не зная берегов,
сырой землю и земной любовью,
как яблоня — набитый до краев.

* * *

Было горло красненьким, голодным, прогорклым,
горькое, как масло, слепое, жадное горло —
жалким и жадным горлышко, как рыбешка, было,
всех проглотила жадная жалкая рыба.

А ты беги отсюда, вон пошел, скотина,
хватай за жабры и бросай, как палку.
Но уже не рыба — слышишь, не голос
и запах рыбный,
а змея цветущая, голод ее жалкий.

Уж и вьется уж, всех сожрал, мокрый:
нет у него теперь ни снохи, ни свекрови,
ни свекра.

Грабли взял — опоздал: не жало и жабры,
а глядит на тебя несчастная морда жабы.

Ам, — сказала жаба и съела тебя. Странно,
почему она плачет жемчужно и с тоски зеленей
лука,
почему она плачет жемчужно и ломает зеленые
руки:
нет у жабы ни брата, ни мамы,
ни любимого, ни любимой — всех она съела, сука.